

М. Я. Гловинская*
(Москва)

СЛАБООБЩЕННАЯ ЛЕКСИКА В ПРОСТОРЕЧИИ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ¹

Abstract. The author treats the use of obscene words in the speech of uneducated people and the colloquial language of the «intelligentsia». Such words function differently in those two varieties of Russian. In the former case they are used as absolutely neutral designations of the respective objects and phenomena, while in the latter case they either give specific colour to somebody's speech or else they serve as a way to express the speaker's negative evaluation of what he / she is talking about.

Ключевые слова: общенная лексика, просторечие, разговорная речь, нейтральная номинация, речевая краска, характеристика языковой личности, отрицательная оценка, приемы выразительности

Прямое значение

В просторечии «грубые» слова используются для обычной номинации частей тела и повседневных отправлениях организма²: *У меня ребенок обоссался* (мать о грудном младенце); *Няня, мною же ребенку нанятая, раздражает чудовищно — руки трясутся, когда ее вижу. Озорница. Сыплет новомодными поговорками, ребенку моему говорит: «Не ссы в бассейн, пригодится воды напиться»* (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия. 2007).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», грантов РГНФ № 10-04-00273а и № 10-04-00275а и гранта НШ-6577.2012.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ.

² Этот факт отмечался, например, в (Капанадзе 1984: 127): «Для современного просторечия характерно прямое называние всех физиологических отправлениях, даже по отношению к ребенку (что запрещено этикетом в речи кодифицированной)». Автор характеризует такие слова как «гробнианзмы, вульгаризмы, пейоративы». Важно, однако, отметить, что вульгаризмами они являются только с точки зрения литературного языка, а в самом просторечии носят нейтральный характер. Поэтому они используются для образования ласкательных номинаций по отношению к ребенку: *наша зассиха* [о грудной девочке], *кривоссака* [о маленьком мальчике].

Конечно, соответствующие «приличные» слова известны носителям просторечия, но они владеют ими пассивно. В частности, они не используют их для образования слова по активной словообразовательной модели. Ср. следующий эпизод:

У маленького мальчика — няня-просторечница. В разговоре с ним она использует исключительно привычные для нее номинации. Мать мальчика упрекнула ее за то, что в разговоре с ребенком она употребляет такие грубые слова. На следующий день няня «исправилась»: *Давай, Вань, пидай скорей, а то обоссысья.*

Просторечное чисто номинативное словоупотребление таких слов сохраняется нередко и у людей, в значительной степени отошедших от просторечия. Например: *Были там, конечно, и журналисты с телекамерами и фотоаппаратами... Мой друг Веня спускался по трапу первым, а Ельцин шел за ним. Вдруг Ельцин положил руку Вене на плечо и сообщил: — Я очень хочу ссать* (А. Тарасов. Миллионер. 2004).

В отличие от этого, в обычной речи интеллигенции «грубые» слова в своем прямом значении используются не с чисто информационной целью, а как речевая краска.

Во-первых, это способ создания имиджа грубоватой языковой личности. Ср.: *Ничего не делаю, только пью, жру, сру и дома на диване валяюсь* (Е. Самойлова. Любого мента поколотить могу); *Мы должны были есть с золотых тарелок и срать на золотых унитазах, если бы все это было правдой* (Г. Садулаев. Шалинский рейд).

«Неприличные» слова — наиболее примитивный способ проявления установки на грубость. Впечатление грубости создается и более разнообразными средствами. Например, разговорно-сниженной лексикой в принципе. Ср. следующий эпизод:

Женщина лет 50-ти (доктор филологических наук) на свадьбе своей дочери танцует с отцом жениха, после чего говорит ему: *Если ты такой кобель, то что же твой сын такая макаронина?!*

Помимо грубого обращения, притом на *ты*, фраза содержит налет непристойности: откуда автор узнал, что перед ней «кобель»?

Во-вторых, такие номинации используются в юмористических целях. Например, к этому склонна была Ф. Раневская. Ср.:

Однажды Раневская потребовала (...) объяснить ей, почему железные корабли не тонут. Таня попыталась напомнить Раневской закон Архимеда. (...) «Почему, когда вы садитесь в ванну, вода вытесняется и льется на пол?» — наседала Таня. «*Потому что у меня большая жопа*», — грустно от-

вечала Раневская (Фаина Раневская. Случаи, шутки, афоризмы. М.: Захаров, 2010. С. 75—76); *У него голос — будто в цинковое ведро ссыт* (Там же. С. 22).

Другой пример: *С журналистами судиться / в крапиву срать садиться* [смех]. *Это / ну это просто в принципе поговорка* (С. Сададьский. Беседа В. Тихомирова с С. Сададьским в студии радиостанции «Маяк» // Радиостанция «Маяк», 2008).

В-третьих, подобные слова могут использоваться как псевдономинации, как знак: «Я свой». В аналогичной роли могут выступать вообще слова, отличающиеся в просторечии особым произношением или словоизменением. Ср. следующий эпизод 1970-х годов:

Семья научных работников переехала в квартиру на окраине города. Их дочь учится в школе, куда ходит много просторечных детей. Девочка заболела, и к ней пришли дети из класса сказать, какие уроки заданы. Она говорит им: *«Щас / только портфель возьму»*. Когда дети уходят, мать делает ей замечание: *«Маша, как ты говоришь? Разве ты не знаешь, что...» — «Да знаю, знаю! Это я при них так говорю»*.

Однако особенно ярко различие в употреблении проявляется при нейтральном использовании языка — без установки на грубость, эпатаж или речевое щегольство, притом людьми, в принципе не склонными к употреблению подобных слов в прямом значении.

Если же все-таки подобные слова употребляются ими, то они используются не в собственно номинативной функции, а служат для выражения отрицательной оценки неподобающих действий и их исполнителей. Ср. примеры из устной речи³, записанные в конце 1980-х и начале 90-х годов, когда городские жители столкнулись с массовым загаживанием подъездов и лифтов: *Ой / у нас на площадке мужик сидит срет / газету подстелил //; Встанет в лифте в угол и ссыт //; Опять ссаками на лестнице воняет //*. Ср. также:

Я бы пригласил, да с моими бумагами, знаешь, и сам живу как гость. Этранже, мать бы их. Тем не менее живу я, Мишка, и радуюсь. И не тому радуюсь, что чисто, тихо, прилично, на лестницах не срут (привет твоему подъезду!) (А. Кабаков. Последний герой. 1994—1995); *Вот / Васечка / трубка сломалась / сигареты / говно / кошки срут в подъезде* (Валерий Тодоровский, Геннадий Островский. Любовник, к/ф. 2002); *А ежели пидарасы будут в лифте срать — так что, отойти в сторонку и пооплодировать?* (Блоги. 2012) (ненависть к гомосексуалистам так велика у автора, что он приписывает им и другие грехи); *На большом официальном собрании обругивали Пас-*

³ В записях устной речи мы пользуемся нотацией, принятой в московских работах по разговорной речи.

тернака, не стесняясь в выражениях, как последняя базарная торговка: «где жрет, там и срет» (В. Старков. Дневники. 1963—1964).

Его [туалет] и во Владивостоке не всегда найдешь, если приедешь. Бегаешь, бегаешь и в конце концов — на угол, если вблизи нет зеленых насаждений. [...] Стоит и ссыт офицер военно-морского флота! А что, в штаны — лучше? (М. Панин. Камикадзе); Но суть не в этом. Ссуть в подъезде, ой, миль пардон, сорвалось (Что сейчас модно? (форум) 2005.06.07).

Склонность к употреблению таких слов как черта языковой личности и отрицательная оценка действия могут совмещаться: «*К-Ксаночка, хлеб надо обжечь на огне, а то рабочие на него ссали*», — попросила Фаина Георгиевна, когда Маринина пришла (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь. 2003).

Само присутствие таких слов во фразе может свидетельствовать об отрицательной оценке предмета разговора, не связанного с самими отправлениями. *Диалоги с ней вести — как, пардон, в вату ссать (еще раз извиняюсь) (Красота, здоровье, отдых: Медицина и здоровье (форум). 2005); Да ладно арапа заправлять, из тебя русский патриот как из говна пуля (ЖЖ. 2011).*

Переносное значение

Переносное значение обценных слов всегда включает отрицательную оценку. Особых различий в их употреблении между просторечниками и интеллигентами, в основном, не наблюдается. Например, нельзя сказать, к просторечию или речи интеллигенции относятся выражения *Всю квартиру зассали; Срать я на это хотел; Юбку изговнила* [неудачно перешила].

То же самое относится к производным от переносных значений: *Какой говённый хлеб, Он настоящий говнюк* и под. Однако интеллигентное книжное обрамление таких слов в их переносном значении создает во фразе стилистическую яркость, отсутствующую в просторечии. Например, *Там же э... там же есть э-э / есть прекрасная работа Костенко «Срать на идеалы молодости» (Беседа с журналистом Станиславом Кулибиным // Из материалов Санкт-Петербургского университета. 2002); Мне срать на ваше мнение о фантазии. Блоги. 2012)*⁴.

Заключение и пожелания юбиляру

Таким образом, «грубые» слова в своем прямом и отчасти в переносном значении используются в просторечии и в разговорной речи интеллигенции в

⁴ Вопрос об уместности включения слабообценной лексики в ее переносных значениях в «Толковый словарь русской разговорной речи» обсуждается в (Перспектив 2010: 173—174).

разных функциях. В просторечии они имеют обычную номинативную функцию, а в разговорной речи интеллигенции являются средством характеристики языковой личности, средством выражения отрицательной оценки и в конечном счете — особым приемом выразительности.

Сам юбиляр пользуется другими средствами выразительности, в первую очередь — гиперболой. Кроме того, он любит применять целомудренные детские эквиваленты таких слов. Хотелось бы привлечь его внимание к тому, что в русском языке есть более широкий спектр возможностей.

Л и т е р а т у р а

- Капанадзе 1984 — *Капанадзе Л. А.* Современная просторечная лексика (московское просторечие) // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 125—129.
Проспект 2010 — Толковый словарь русской разговорной речи. Проспект / Под ред. Л. П. Крысина. М., 2010.